

Т. А. Кулакова

ПРИНУЖДЕНИЕ И СОЛИДАРНОСТЬ КАК СПОСОБЫ КООРДИНАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Автор рассматривает возможности современных концепций координации в публичной политике и управлении. Внимание к практикам принуждения и солидарности в целях согласования действий органов государственной власти, гражданских объединений, элитных групп и граждан актуализировано поиском новых методов политического управления во всем мире, но особенно важно для современного Российского государства.

Ключевые слова: координация, принуждение, солидарность, моральные основания рациональных действий, политическое участие, иерархии, сети, солидарные действия.

T. Koulakova

COERCION AND SOLIDARITY AS A MEANS OF COORDINATION IN THE POLITICAL MANAGEMENT

The opportunities of modern concepts in public policy and management are regarded. The attention to the practices of coercion and solidarity for harmonizing the actions of the state, civic associations, elite groups and individuals require new methods of political management throughout the world but particularly important they are for contemporary Russia.

Keywords: coordination, solidarity, compelling moral basis of rational actions, political participation, network, hierarchy, joint actions.

Усиление внимания к проблеме координации в системе государственного управления как в отечественной науке [13; 18; 7], так и в западных странах [20; 21; 26; 27; 31; 33; 36] обусловлено поиском моделей политического и административного управления, способных стимулировать кардинальные изменения идеологии и практик

взаимодействий аппарата государства и общества. Социальные системы и элементы систем согласуются между собой методом координации, который означает «согласование, приведение в соответствие» [11], «соотношение, согласованность, установление целесообразного соотношения между какими-то действиями» [12] в целях

придания устойчивости системе и структуре во взаимодействии со средой на основе усиления интегративности составляющих целостность частей и элементов. Интегративность может быть повышена через такие формы координации, как принуждение и солидарность, т. е. применение силы государства на основе права на легитимное насилие (от физического до культурно-информационного, идеологического) с помощью соответствующих институтов, при соответствующих ограничениях со стороны солидарного общества, участвующего во взаимодействиях с государством, и солидарности как особом типе социальных взаимодействий, обусловленном моральными оценками рациональных действий, согласованном с ожиданиями людей. П. Бурдьё, анализируя эти взаимодействия, признавал, что «в действительности правда социального мира — это суть борьбы между очень неравно вооруженными агентами за то, чтобы добраться до совершенного, т. е. самоконтролируемого, видения и предвидения» [3, с. 29].

В государственном управлении координация может быть определена как обеспечение совместных согласованных действий государства и граждан для достижения общей цели, как согласование индивидуальной и групповой деятельности и локальных целей и задач с глобальной целью. Координация направлена на эффективное управление формированием, использованием и развитием компетенций участников широких взаимодействий, но и компетенции акторов вызревают при наличии эффективной системы координации в процессе государственного управления.

Сформированная политическая система обладает совокупностью институтов — норм, а также контролирующих и воплощающих их организаций для коллективного принятия решений на национальном уровне, правил, регулирующих отношения внутри и между институтами, предоставляя

гражданам страны определенные возможности для реализации политических целей как непосредственно, так и с помощью политических партий и групп интересов, распределяя экономические ресурсы в соответствии с коллективными решениями, распространяя ценности в рамках системы.

Применение легитимного насилия по отношению к тем группам, которые не принимают установленные ценности и нормы, организация постоянного взаимодействия власти и общества путем выдвижения обществом требований и принятия политических решений считается нормой взаимодействия государства и граждан. Дэвид Истон рассматривал политическую систему не как статичную конструкцию, а как «совокупность взаимодействий, посредством которых ценности властным образом привносятся в общество» [6, с. 633], превращая нужды, требования граждан — «ввод» — во властные действия и отношения — «вывод».

Никто не спорит с тем, что «применение окончательного, всеобъемлющего и легитимного физического принуждения является монополией государства, и политическая система уникальным образом связана с масштабом, направленностью и условиями, влияющими на применение этого физического принуждения» [19, р. 395], однако многочисленные проявления несанкционированных государством мер насилия и принуждения со стороны граждан и общества в последние годы заставляют рассматривать и формы их солидарности (коммуникативные и действенные), принуждающие государство к исполнению им же государственных функций и законодательных норм. Анализ взаимодействий показывает сложность переговорного процесса между государственными органами и общественными группами в целях определения существенных характеристик государства и публичных целей. Сама «суть того, что мы теперь называем «государством», со-

стоит из множества переговоров, затеянных правителями и проведенных в ходе борьбы за средства деятельности» [17, с. 155].

Право на легальное насилие в демократическом режиме ограничивается только самим источником этого права — гражданами — при условии, что «политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, равноправными, защищающими и взаимообязывающими процедурами обсуждения» [16, с. 29]. Организация равноправных, защищающих и взаимообязывающих отношений предполагает интеграцию сетей доверия в публичную политику, большую изоляцию категориального неравенства от публичной политики и уменьшения независимости крупных центров власти от публичной политики [16, с. 29–41].

Интеграция сетей доверия в публичной политике повышает общий уровень политического участия, а также способствует созданию политических клубов и иных институтов, втягивающих людей в сферу общественной деятельности, что порождает интерес к эффективности функционирования государства. В этом случае у людей «развивается прочный интерес к деятельности правительства. Им не безразлично, какие ставки предлагает правительство. Уплачивая налоги, приобретая государственные бумаги, делаясь информацией с должностными лицами, будучи в зависимости от правительства в том, что касается доходов, и отдавая членов семей на военную службу, — всеми перечисленными путями они все больше укрепляют свой интерес и вступают в переговоры о соблюдении своих интересов» [16, с. 120]. Принуждение многих к уплате налогов путем определения в места лишения свободы одного крупного неплательщика налогов — это коммуникация государства и граждан по принуждению к выполнению правил, принятых в одностороннем порядке. Это повод для оценки эффективности коммуникации

государства относительно величины, равных правил для всех и одновременно повод для согласования, урегулирования, обмена с государством, подтвержденных коллективными и индивидуальными требованиями коллективных или индивидуальных прав «по отношению к государству и обязательств государства по отношению к своим гражданам» [16, с. 154]. Ни одна социальная система не может существовать, если не обеспечивает обязательного согласия граждан с большей частью нормативных требований, если к не исполняющим нормы не будут применяться негативные санкции. Организованное и управляемое применение таких санкций — принуждение, которое выполняется полицией, армией, судебной системой, религиозными организациями [9].

Координационные стратегии государств определяются доступными правительствам ресурсами, по мнению Ч. Тилли, который строит анализ морфологических черт государства, т. е. того, «что и каким путем доступно для изъятия в виде податей, налогов и повинностей» [17, с. 58]. Исследователь пришел к выводу, что интенсивное принуждение было более распространено в регионах с развитым сельскохозяйственным производством, где созданные грандиозные структуры буквально выжимали средства из населения, но там, где правил бал капитал — в городах, — более широко применялись практики договора, соглашения правителей с обладателями капиталов (интенсивное использование капитала) [17, с. 58–61], третий тип взаимодействий — концентрация капитала и принуждения. Ч. Тилли указывает, что «в отсутствие действенной правительственной власти люди, которые располагают значительными объемами капитала, средств принуждения или верных сторонников, используют их для достижения собственных целей, создавая тем самым новые формы угнетения и неравенства. Если высокая степень состоятель-

ности правительства и не определяет демократию, она кажется необходимым условием для демократии в крупном масштабе», однако следует проявлять осмотрительность относительно того, что «правительственные агенты начинают контролировать слишком широкий спектр деятельности и ресурсов, сворачивая демократию» [15, с. 105]. М. Уолцер, описывая этот тип принуждения, определяет его как «рыночный империализм», т. е. «способность богатых мужчин и женщин покупать индульгенции, государственные должности, давать взятки судьям, пользоваться политическим влиянием» [35, р. 120]. Настаивая на силе государства как гарантии солидарных и справедливых отношений, Ч. Тилли пишет: «только там, где правительство достаточно самостоятельно, членство в политике включает значительную часть подданных правительства; людям, которые являются членами политики, гарантировано некоторое равенство в доступе к правительству, консультации с этими людьми влияют на деятельность правительства, а люди, принадлежащие политике, в какой-то степени защищены от произвола, мы можем говорить о взаимных правах и обязанностях правительственных агентов перед целыми категориями людей, определяемых по отношению к данному правительству, т. е. о гражданстве» [15, с. 106].

Анализируя примеры расширения деятельности государства из сферы войны в иные области (разрешение споров и распределение товаров среди подвластного населения, контроль за производством), Ч. Тилли отмечает, что тем самым государство «провоцировало коллективные действия, часто принимающие форму сопротивления государству, но иногда маскировавшиеся под новые претензии к нему» [15, с. 151], даже не всегда четко формулируя и предъявляя их государству. К числу таких форм сопротивления требованиям государства Дж. Скотт относил саботаж, промед-

ление, сокрытие и уклонение [10], а не только восстания и другие формы открытого сопротивления. Ч. Тилли, исследуя забастовочные движения, допускает применение населением принуждения государства к исполнению своей части взаимных обязательств, вводя понятие «оспаривание», под которым скрываются революции, забастовки, войны, социальные движения, перевороты [32, р. 424–440].

Государство всегда стремится к формальной унификации, к уничтожению того, что важно для каждого человека, — его личных заслуг и достижений в какой-либо сфере и того общего, что объединяет людей в сообщество, способное оценить заслуги каждого. Разрушая различия (в языке, религии, коммуникациях, инфраструктуре) и стремясь к гомогенизации, государство всегда рискует получить в ответ массовое сопротивление, если эти «усилия по выравниванию угрожали самой идентичности подвластного населения, идентичности, основанной на повседневных общественных связях» [17, с. 153; 3, с. 223]. Восстания выступали как ответ на оскорбительные для граждан запросы и действия государства, согласно их понятиям справедливости, задевали основы их коллективной идентичности; восстания могли иметь успех, «когда люди, оскорбленные действиями государства, были уже связаны устойчивыми социальными связями... имели могучих союзников внутри или вне государства и последние действия государства обнаруживали его уязвимость» [17, с. 154].

Ч. Тилли пришел к выводу, что европейские государства были принуждены заниматься политикой согласования относительно защиты своих клиентов и граждан; к концу XVIII века европейские «государственные чиновники несут ответственность за национальную экономику и положение рабочих, причем до такой степени, которую нельзя было и вообразить за сто лет до того» [17, с. 182], а после Второй мировой

войны все государства начинают заниматься здравоохранением, образованием, семьей и финансами: в Норвегии с 1875 по 1975 г. расходы на социальную систему выросли с 0,3% до 9,5% по отношению к ВВП, на экономику и защиту окружающей среды — с 0,4% до 6,8%, на администрацию и судебную систему — с 1,0% до 2,3%, на военных — с 1,1% до 3,2% [17, с. 181]. Ч. Тилли подчеркивает, что «еще больший (пропорционально) рост части национального дохода, употребляемого в системе социального обеспечения, — в государствах, которые перешли к экономике централизованного планирования, как Советский Союз» [17, с. 181].

Идеально общество, где внешнее принуждение определяет рамки, в которых люди действуют солидарно. «Фундаментальная проблема координации в обществе... скорее в том, чтобы гармонично согласовывать ожидания людей, а затем стимулировать на этой основе коллективно рациональные действия и в итоге осуществлять неравновесную и равновесную координации» [23, р. 6], во имя достижения общего блага контролируя соответствие своих индивидуальных интересов и целей. Современные государства, испытывающие натиск солидарных общественных групп, вынуждены искать новые формы переговоров и «обсуждений» публичных тем, так как «солидарность — особый тип социального взаимодействия, при котором моральное долженствование переводит ресурс идентичности в плоскость реальной деятельности, выдвигая на первый план надличностные предпочтения» [1, с. 6]. Солидарное самопринуждение людей не выходит за рамки «человеческого», проявление свободы воли и духа человека над своими слабостями — условие существования не только для отдельного человека, но и для любой общности людей, ибо «настоящее государство держится не принуждением и не страхом, а свободной лояльностью сво-

их граждан — их верностью долгу; их отвращением к преступности; неподкупностью чиновников; честностью судей; патриотизмом избирателей; государственным смыслом парламентариев; гражданским мужеством писателей и ученых; инициативной храбростью и дисциплиной солдат. Все это не может быть заменено ничем. Человек есть самостоятельный волевой центр, субъект права, а не объект террора и эксплуатации. Он должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя» [5, с. 229].

Отношения справедливости и солидарности стали доминирующими вопросами современной политической философии. Политическая философия была «захвачена» дискурсом о «теории справедливости» Дж. Ролза, основанной на идее «братства», «семьи», где все живут на началах солидарности. Солидарность и справедливость Дж. Ролза противостоят углублению различий между богатыми и бедными, образуют нити, связывающие общество, обуздывающие эгоистические устремления индивидов, удерживающие отверженных. Идею солидарности как связующих нитей подхватил Р. Рорти, расширив понятие солидарности до лояльности всех ко всем без учета различий и различий. «Советуя людям быть разумными, мы только полагаем, что в пространстве разделяемых ими верований и стремлений могут найтись такие, которые позволят сосуществовать без насилия» [30, р. 13].

Теория гегемонии Антонио Грамши — это теория об организации социального согласия, это производство властвования посредством производства значений, которыми сама власть мобилизует и организует людей на изменение существующих условий. В отличие от А. Грамши, Шанталь Муфф и Эрнест Лакло развивают теорию гегемонии как переартикуляцию антагонистических дискурсивных практик, вплетая политику как способ конструирования,

воспроизводства и изменения социального мира в дискурсивную практику [8, с. 193; 28]. Теория Ш. Муфф и Э. Лакло спровоцировала разработку теории власти, сконцентрировала исследования феномена власти (авторитет, господство и насилие) в политическом пространстве.

Все труднее руководить с помощью административного принуждения в условиях ослабления авторитета государственной власти и способности государства навязывать населению свои решения. Новые возможности координации и управления открываются применением информационных технологий в государственном управлении, расширением круга пользователей сетевых технологий. Свойственные индустриальному обществу иерархические способы управления теснятся децентрализованными системами с горизонтальными связями, предъявляющими иные требования как к государственным гражданским служащим, так и к широкому кругу граждан — ответственность, качество работы, самостоятельность, идентификация с целями и смыслом деятельности, которых нельзя уже достичь с помощью классических форм принуждения. Принуждение как принцип управления сохраняется в регионах, находящихся в бедственном положении, где требуется быстрая мобилизация сил.

Внимание к человеку как носителю определенных компетенций и моральных норм становится ресурсом, определяющим настоящее и будущее общества и государства. Как пишет А. Этциони, «индивиды постоянно находятся под воздействием двух основных факторов: полезности и моральных обязательств (причем оба этих фактора являются продуктом социализации). Относительная значимость этих детерминантов поведения определена историческими и социальными условиями, а в заданных условиях она зависит от личностных характеристик индивида [24, р. 63]. Упование либералов на саморегуляцию

свободного рынка сдерживалось теми, кто признавал действенность моральных институтов, традиций, считая, что «свободный рынок не способен к самовоспроизводству, он должен опираться на институты, правила, нормы и привычки» [34, р. 114], поскольку «институты относятся к более высокому уровню обобщения по сравнению с рынком и организациями. Институты определяют «правила игры», по которым функционируют эти управленческие структуры» [29, р. 161–182].

Г. Бредемейер, последователь Т. Парсонса, полагал, что принятые правила должны быть одинаковыми для всех, а исключение должно иметь достаточное моральное основание, которое должно доказываться тем, кто хочет нарушить постулат равенства. Критерий оценки справедливости в этом случае есть переменная решения (определяет действия человека) и переменная власти (наличие тех или иных полномочий). Факторы переменной решения, которые приводит Г. Бредемейер, таковы: человек не будет усердно работать, если не будет знать, что вознаграждение будет превышать его затраты; чем выше затраты человека, тем выше должно быть вознаграждение; если человек подвергается риску, вознаграждение должно быть увеличено; уверенность человека должна подкрепляться в случае увеличения разрыва между выполнением задания и получением вознаграждения; нельзя обязывать человека что-либо выполнить, не предусмотрев создание условий для выполнения работы. Переменная власти рассматривается как конфликт между ценностью решения индивида и остальных людей. Если справедливость нарушена, то необходимы перемены и совершенствование тех социальных институтов, которые делают возможным несправедливость [22].

Новое понимание важности институтов предложил Л. Тевено, раскрывая связь между благом и понятиями «реального» и

«нормы», «смысла». Идеал — благо — связан с частотой применения, которое порождает норму, смысл которой раскрывается общностью понимания, необходимого в ситуациях вовлеченности, взаимодействия индивидов. «Вовлеченность в мир — это прежде всего испытание реальностью, которое зависит от того способа, каким агент воспринимает мир в определенном формате (публичных конвенций, функциональном, близости и т. п.)» [14, с. 84].

Различные инструменты для расширения, раскрытия социальных интересов индивидов, их представлений о мире, социальных законов, напряжения между коллективным и частным, формирующих эти представления, вводятся в научный оборот: это и «стратегическое поведение» М. Крозье, «обмен на основе договора» Э. Фридберга, «бессознательные стратегии», или габитус, П. Бурдьё.

Оценивание как координация вскрывает связь между моральными, когнитивными и материальными вопросами бытия индивида, группы и общества в целом. П. Бурдьё подчеркивает, что «координация зависит от познания, но формы познания различаются в зависимости от того, как рассматриваются люди и другие сущности» господствующими группами, но, не рассматривая «координацию как законообразный процесс, детерминированный, в основном, силами, принуждениями, правилами, диспозициями, габитусом и всем остальным», он предоставляет иным группам свою форму координации, где «недетерминированные, динамические и креативные аспекты... возникают, напротив, из операций оценивания, от которых зависят акторы в своих действиях и в своем избирательном подходе к реальности» [3, с. 88]. Ссылаясь на Пуфендорфа при обосновании различий оценок и ценностей относительно «морального качества» общего блага, П. Бурдьё настаивает на открытости для обсуждения и проверки вещей и отношений, ус-

танавливаемых властью в качестве неоспоримых благ, для установления связности с точки зрения ценности в различных логиках оценивания, поскольку основанием для создания общего блага является «общая человеческая природа. Это общая черта различных порядков ценности и основа чувства справедливости, которое их поддерживает, что становится заметным, когда оно оспаривается порядками ценности, ограничивающими общность (например, расизм) или расширяющими ее (например, некоторые версии экологии)» [3, с. 101].

Никакое навязывание господствующей группой предпочтительных и оптимальных оценок без обсуждения и выявления на основе различных типов знания, в том числе и фонового, неявного, без учета оценок и мнений людей относительно цены вещей и меры «почтения» к людям не будет восприниматься ими иначе как применение репрессивной силы в отношении моральных существ. П. Бурдьё показывает зависимость оценок от форм и степени участия людей в различных видах деятельности, предполагающих различные прагматические режимы вовлеченности и приспособления к окружающему миру, но есть то общее, что служит основанием для переговоров, обсуждений и других взаимодействий. «У людей координация основывается на связи между поведением и ориентацией на какое-либо благо, определяющее реальность, которую необходимо принимать во внимание. Таким образом, мы контролируем собственное поведение и воспринимаем поведение других» [3, с. 106] в силу общности человеческой природы.

Солидарность как принцип социального бытия кроется в общности человеческой природы (общность интересов, единоклассники, взаимосвязанность, разделенная ответственность), предполагая объединение различных ресурсов и способностей социальных субъектов для достижения общих

целей. Социальная солидарность имеет в основании представление о всеобщей социальной субъектности, которая делает возможным обсуждение и согласование интересов и ценностей участников широкого дискуссионного процесса.

Факт общественной солидарности осознается индивидами и порождает норму социальной справедливости. Если деньги координируют действия участников рынка, то политическая власть при опоре на силу закона и моральных ограничений позволяет координировать действия граждан путем правового регулирования и соблюдения закона судебной системой и другими органами исполнительной власти государства. Знания, полученные при наблюдении и мониторинге социальных процессов, распространение и хранение этих знаний через сети бюрократических и профессиональных организаций, СМИ и образовательных учреждений, формирует общество, осведомленность и взаимопонимание на основе социального знания относительно места и роли ведущих акторов и понимания того, что должно и может быть сделано, каким образом.

Доверие является примером культурного и морального ресурса, который обеспечивает неформальные виды социальной координации. Успешной координация может быть в том случае, если формируется сотрудничество на сходном восприятии, расположении, ожиданиях, которые его стимулируют. Если нет подтверждения ожиданиям, то они будут восприниматься как обманчивые сигналы для общества и роста цинизма, подозрения и не просто отчуждения, а отвержения власти, не способной солидаризироваться с гражданами.

Доверие между массами и элитами, внутри этих групп может быть измерено для определения степени солидарности общества: доверие граждан к согражданам и ко всем остальным; доверие масс к политическим или отраслевым элитам (полити-

ческие институты и органы исполнительной власти, церковь, СМИ, полиция, судебная система, медицинские и образовательные учреждения); горизонтальные связи между политическими элитами и отраслевыми элитами; вертикальное измерение доверия (элиты — массы). Справиться с невежеством, непрозрачностью отношений для обретения доверия как результата социальной взаимности в целях сохранения социальной общности общество может, снижая уровень социальной наивности, повышая гражданственные компетенции населения.

Принуждение к максимизации прибыли в экономических организациях, и тем более в государственном секторе, разрушает всякую солидарность, как и концентрация внимания граждан только на собственном благе, наделение только государства ответственностью за общее благо ведет к разрушению сообщества [4, с. 227]. Основопологающие принципы западной экономики — целенаправленное сокращение бюджетного дефицита, снижение инфляции, свободное перемещение капитала и поощрение прямых иностранных инвестиций, дерегулирование экономики, снижение предельной ставки налогов, свободный обменный курс валют — оказались нежизнеспособными и опасными: регулировать финансовый рынок должно государство, избегая рисков и неопределенностей, доходы и блага должны распределяться справедливо.

Новый подход к формированию экономической и социальной политики как внутри государств, так и на международном уровне «ассоциируется с более справедливым распределением доходов, — заявил бывший глава МВФ Стросс-Кан. — Нам нужна глобализация нового рода, более справедливая глобализация с человеческим лицом. Блага от экономического роста должны широко распределяться, а не просто присваиваться горсткой привилегированных людей» [2].

Анализ практикуемых взаимодействий государства и общества представляет собой известную сложность в силу их многоуровневости, масштабности, мозаичности и деформированности информационного пространства, отражающего эти взаимодейст-

вия. Кроме того, как мы уже показали, «принуждение» и «солидарность» не являются простыми категориями, они требуют уточнения и прояснения в конкретных ситуациях интерпретации состояния политического поля и применения управленческих стратегий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова С. Ю. Солидарность участников неформальной экономики (на примере стратегий мигрантов и предпринимателей) // Социологические исследования. 2002. № 4.
2. Башкатова А. Глобализм с человеческим лицом. «Вашингтонский консенсус не выдержал проверки экономическим кризисом» // Независимая газета. 06.04.2011.
3. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2007.
4. Денхофф М. Границы свободы. М., 2001.
5. Ильин И. А. О свободной лояльности // Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993.
6. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2.
7. Клемент К. М., Мирясова О. А., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М., 2010.
8. Муфф Ш. К антагонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2.
9. Парсонс Т. Системы современных обществ. М., 1997.
10. Скотт Дж. «Благими намерениями государства». М., 2007.
11. Словарь иностранных слов. М., 1955.
12. Словарь русского языка. М., 1963.
13. Спиридонова В. И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008.
14. Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3.
15. Тилли Ч. Режимы и их оспаривание // Логос. 2008. № 6.
16. Тилли Ч. Демократия. М., 2007.
17. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. / Пер. с англ. Т. Б. Менской. М., 2009.
18. Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005.
19. Almond G. A Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol. 18.
20. Borzel T. What's so Special about Policy Networks? An Exploration on the Concept and its Usefulness in Studying European Governance // European Integration Online Papers (EIOP). 1997. Vol. 1. N 16. P. 1.
21. Borzel T. Modern Governance: New Government-Society Interactions. London, 1993. P. 2–4.
22. Bredemeier H. C. The Federal Public Housing Movement. A Case Study of Social Change. N. Y., 1980.
23. Clower R. W. Economic Doctrine and Method // Selected Paper of R. W. Clower. Aldershot, 1995.
24. Etzioni A. The Moral Dimension. Toward a New Economics. N. Y.; L., 1988.
25. Games in Hierarchies and Networks: Analytical and Empirical Approaches to the Study of Governance Institutions. Frankfurt-am-Main, 1993.
26. Kohler-Koch B., Jachtenfuchs M. Governance and Institutional Development // European Integration Theory. Oxford, 2003. P. 111.
27. Kohler-Koch B., Jachtenfuchs M. Multi-Level Governance // European Integration Theory. Oxford, 2004. P. 97–115.
28. Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. L.; N. Y., 1990.
29. Menard C. Markets as Institutions versus Organizations as Markets? Disentangling Some Fundamental Concepts // Journal of Economic Behavior and Organization. 1995. Vol. 28. N 2.

-
30. *Rorty R.* Justice as a Larger Loyalty // *Justice and Democracy: Cross-Cultural Perspectives* / Ed. by R. Bontecoe and M. Stepanians. Honolulu: The University of Hawaii Press, 1997.
 31. *Smith M. E.* Toward a Theory of EU Foreign Policy-Making: Multi-Level Governance, Domestic Politics, and National Adaptation to Europe's Common Foreign and Security Policy // *Journal of European Public Policy*. 2004. N 11. 4 August. P. 743.
 32. *Tilly Charles.* Regimes and Contention / Ed. by Thomas Janoski. *The Hand Book of Political Sociology: States, Civil Societies, and Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
 33. *Wallace H.* Policy-making in the European Union. Oxford, 2000. P. 30–36.
 34. *Walzer M.* La Justice dans les institutions // *Esprit*. 1992. Vol. 180. N 3–4.
 35. *Walzer M.* Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. N. Y., 1983.
 36. *Wessels W.* Teaching Companion — Theories and Strategies of European Integration. Koln: Jean Monnet-Lehrstuhl für politische Wissenschaft und europäische Fragen, Universität zu Koln. March, 2006. P. 82.

REFERENCES

1. *Barsukova S. Ju.* Solidarnost' uchastnikov neformal'noj ekonomiki (na primere strategij migrantov i predprinimatelej) // *Sociologicheskie issledovanija*. 2002. № 4.
2. *Bashkatova A.* Globalizm s chelovecheskim litsom. «Vashingtonskij konsensus ne vyderzhal proverki ekonomicheskim krizisom» // *Nezavisimaja gazeta*. 06.04.2011.
3. *Burd'e P.* Sotsiologija sotsial'nogo prostranstva. SPb., 2007.
4. *Denhoff M.* Granicy svobody. M., 2001.
5. *Il'in I. A.* O svobodnoj lojal'nosti // *Sobranie sochinenij*: V 10 t. T. 2. Kn. 1. M., 1993.
6. *Iston D.* Kategorii sistemnogo analiza politiki // *Antologija mirovoj politicheskoj mysli*. T. 2. M., 1997.
7. *Klement K. M., Mirjasova O. A., Demidov A.* Ot obyvatelej k aktivistam: zarozhdajuschiesja sotsial'nye dvizhenija v sovremennoj Rossii. M., 2010.
8. *Muff Sh.* K antagonisticheskoj modeli demokratii // *Logos*. 2004. № 2.
9. *Parsons T.* Sistemy sovremennyh obschestv. M., 1997.
10. *Skott Dzh.* «Blagimi namerenijami gosudarstva». M., 2007.
11. *Slovar' inostrannyh slov*. M., 1955.
12. *Slovar' russkogo jazyka*. M., 1963.
13. *Spiridonova V. I.* Evoljutsija idei gosudarstva v zapadnoj i rossijskoj sotsial'no-filosofskoj mysli. M., 2008.
14. *Teveno L.* Kakoj dorogoj idti? Moral'naja slozhnost' «obustroennogo» chelovechestva // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*. 2000. T. 3. № 3.
15. *Tilli Ch.* Rezhimy i ih osparivanie // *Logos*. 2008. № 6.
16. *Tilli Ch.* Demokratija. M., 2007.
17. *Tilli Ch.* Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 1990–1992 gg. / Per. s angl. T. B. Menskoj. M., 2009.
18. *Fedotova V. G.* Horoshee obschestvo. M., 2005.
19. *Almond G.* A Comparative Political Systems // *Journal of Politics*. 1956. Vol. 18.
20. *Borzel T.* What's so Special about Policy Networks? An Exploration on the Concept and its Usefulness in Studying European Governance // *European Integration Online Papers (EIOP)*. 1997. Vol. 1. N 16. P. 1.
21. *Borzel T.* Modern Governance: New Government-Society Interactions. London, 1993. P. 2–4.
22. *Bredemeier H. C.* The Federal Public Housing Movement. A Case Study of Social Change. N. Y., 1980.
23. *Clower R. W.* Economic Doctrine and Method // *Selected Paper of R. W. Clower*. Aldershot, 1995.
24. *Etzioni A.* The Moral Dimension. Toward a New Economics. N. Y.; L., 1988.
25. *Games in Hierarchies and Networks: Analytical and Empirical Approaches to the Study of Governance Institutions*. Frankfurt-am-Main, 1993.
26. *Kohler-Koch B., Jachtenfuchs M.* Governance and Institutional Development // *European Integration Theory*. Oxford, 2003. P. 111.
27. *Kohler-Koch B., Jachtenfuchs M.* Multi-Level Governance // *European Integration Theory*. Oxford, 2004. P. 97–115.

-
28. *Laclau E.* New Reflections on the Revolution of Our Time. L.; N. Y., 1990.
29. *Menard C.* Markets as Institutions versus Organizations as Markets? Disentangling Some Fundamental Concepts // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1995. Vol. 28. N 2.
30. *Rorty R.* Justice as a Larger Loyalty // *Justice and Democracy: Cross-Cultural Perspectives* / Ed. by R. Bontecoe and M. Stepaniants. Honolulu: The University of Hawaii Press, 1997.
31. *Smith M. E.* Toward a Theory of EU Foreign Policy-Making: Multi-Level Governance, Domestic Politics, and National Adaptation to Europe's Common Foreign and Security Policy // *Journal of European Public Policy*. 2004. N 11. 4 August. P. 743.
32. *Tilly Charles.* Regimes and Contention / Ed. by Thomas Janoski. The Hand Book of Political Sociology: States, Civil Societies, and Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
33. *Wallace H.* Policy-making in the European Union. Oxford, 2000. P. 30–36.
34. *Walzer M.* La Justice dans les institutions // *Esprit*. 1992. Vol. 180. N 3–4.
35. *Walzer M.* Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. N. Y., 1983.
36. *Wessels W.* Teaching Companion — Theories and Strategies of European Integration. Koln: Jean Monnet-Lehrstuhl für politische Wissenschaft und europäische Fragen, Universität zu Koln. March, 2006. P. 82.

Д. С. Голубев

**О СЛАБОСТИ ИНКРЕМЕНТАЛИЗМА КАК ПОДХОДА
К УРЕГУЛИРОВАНИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА
НА ПРИМЕРЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВА США
В МИРНОМ ПРОЦЕССЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Статья посвящена проблеме выбора между поэтапным подходом и установкой на безотлагательное разрешение вопросов постоянного статуса, которые являются двумя альтернативными стратегиями посредничества в рамках процесса урегулирования этнополитического конфликта. На основе изучения практики дипломатической вовлеченности Соединенных Штатов в мирный процесс на Ближнем Востоке автор делает вывод о необходимости отказа от инкременталистского (пошагового) подхода в пользу безотлагательного обсуждения ключевых вопросов постоянного статуса в рамках палестино-израильского урегулирования.

Ключевые слова: политическое посредничество, этнополитический конфликт, США, Ближний Восток, арабо-израильский конфликт.

D. Golubev

**ON FRAGILITY OF THE INCREMENTAL APPROACH
TO ETHNO-POLITICAL CONFLICT RESOLUTION WITH THE CASE STUDY
OF THE U. S. MEDIATION IN THE MIDDLE EAST PEACE PROCESS**

The article addresses the problem of choosing between the incremental approach and permanent status discussions that tend to be the two alternative strategies for mediation in ethno-political conflict resolution. Research of the practice of the U. S. diplomatic involvement in the Middle East peace process proves that it is essential to abandon the step-by-step approach in favor of immediate permanent status resolution between Israel and the Palestinians.

Keywords: political mediation, ethno-political conflict, the United States, the Middle East, Arab-Israeli conflict.